

"ПРОТИВ ВОЛИ"

"Курьер", 1902 г. No 56.

"Пора, наконец, взять власть вам над собой; не то мы будем вечно зависеть от всякой дряни. Вы говорите: "как можно работать, когда душа неспокойна!" Да когда же может быть спокойна душа? Я несколько лет уже борюсь с беспокойством душевным. Да и откуда взялись у нас такие комфорта, чтобы в продолжении труда нашего не смутила нас даже и мысль о том, что будет еще через два года! Смотрите, караульте за собой и за характером вашим..."

Так, в письмо из Ниццы от 18 марта 1844 г., Гоголь одобрял мнительного, легко отдававшегося во власть призрачных страхов и предчувствий, преследуемого частыми приступами мрачной тоски и уныния художника Иванова. И одобряя своего друга скрытый и замкнутый в себе "великий меланхолик"* несколько приподымал завесу с собственного душевного мира, намекал на сущность той драмы, которая имела место в "загадочной" глубине последнего. "Борьба с "беспокойством душевным", т. е. с психическим недугом - вот что характеризовало тогда его внутреннюю жизнь, вот в чем отражалась тогда его душевная деятельность. "Я одолеваем разными недугами, - высказывается он еще определеннее другому "страждущему" другу, - тем более несносными для меня, что они наводят томление и тоску и мешают, как следует работать. Гребу решительно против волн, иду против себя самого, т. е. противу находящего бездействия и томительного беспокойства".**

* Как называл Гоголя Пушкин.

** Письмо к Языкову от 21 дек. 1943 г.

Борьба "с самим собой" велась в высшей степени интенсивно, требовала величайшего напряжения душевной энергии. Гоголь изнемогал в этой борьбе, порой, по собственному признанию, выбивался "совершенно из сил", называл борьбу бесплодной. "Тягостнее всего, - писал он Языкову (письмо от 1 мая 1845 г.), - беспокойство духа, с которым труднее всего воевать, потому что это сражение решительно на воздухе. Изволь управлять воздушным шаром, который мчит первым стремлением ветра! Это не то, что на земле, где есть и колеса, и весла".

"Томительное беспокойство" Гоголь, таким образом, признавал за слепую силу, силу, овладевающую его душевным миром, как нечто стихийное: - действительно, "томительное беспокойство" и "находящее бездействие" являлись выражением и показателей того автоматически развивающегося разложения душевного организма, которое составило настоящую драму жизни Гоголя. Но несмотря на подобное признание, несмотря на то, что порой, изнемогая во внутренней борьбе, Гоголь называет ее бесплодной, - все-таки Гоголь далек был от отчаяния: он вообще сохранял уверенность в благоприятном исходе борьбы, надеялся, что, действуя решительно, ему удастся добиться своего - взять власть над собой; он был убежден, что знает путь, который должен привести к победе.

Об этом пути он говорил, советуя художнику Иванову "караулить за собой и характером своим". Он сам усердно "караулил" за собой и за своим характером. Станные заботы о "внутреннем" самовоспитании, которые так занимали его в последний период его жизни, и его стремление создать в себе твердый характер, были внушены ему именно стремлением излечиться от гнетущего его душевного недуга; внутреннее самовоспитание и "характер" играли роль противоядия против этого недуга, должны были служить тем средством, которое позволило ему управлять "воздушным шаром".

На самом деле, его заботы о внутреннем воспитании поражают своим узко-эгоистическим направлением, точно так же, как и та книга, которая явилась плодом подобных забот.* И это эгоизм больного человека.

* Отсутствие альтруистического элемента в этой книге (в "Выбранных местах из переписки с друзьями") отмечено В. Богучарским: см. его статью "Гоголь как учитель жизни" в "Мире Божьем" (февраль).

Гоголь заботится о том, чтобы его "душа была чище горного снега и светлей небес". Но что это означает, что разумеет Гоголь под понятием "чистой и светлой души?" Говорит ли он о таком состоянии